

Сен-Прим, 1929 год. Ненадолго в семье Клутье воцарился мир. Жасент и Пьер соединили свои сердца клятвой вечной верности. Лишь Сидони все так же страдает от грешной страсти к своему брату Лорику. А что, если Лорик встретил новую любовь далеко от дома, на другом конце Канады?.. Сидони пытается забыться в объятиях жениха Журдена, но не может быть близка с ним. Тайны прошлого, тайны сестры Эммы и покойных родителей не дают покоя сестрам и их брату. А ключи от всех секретов хранит в своей колдовской душе мудрая знахарка Матильда...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4521-1

9 786171 245211

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Колдовская душа

Колдовская душа

МАРИ-БЕРНАДЕТТ
ДЮПЮИ

*Колдовская
душа*

*Marie-Bernadette
Dupuy*

*Les Sortilèges
du lac*

Roman

*Мари-Бернадетт
Дюпюи*

Колдовская душа

Роман

УДК 821.133.1(71)
Д95

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Dupuy, M.-B. Les Sortilèges du lac : Roman /
Marie-Bernadette Dupuy. — Québec : Les éditions JCL,
2015. — 544 p.

Перевод с французского *Наталии Чистюхиной*

Дизайн обложки *агентства «ТИМ+»*

ISBN 978-617-12-4521-1
ISBN 978-2-89431-502-6 (фр.)

© Les éditions JCL inc., 2015
© Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2018

Г-ну Жан-Клоду Ларушу,
моему издателю,
который столь эмоционально рассказывал мне
о волнующих событиях 20-х годов прошлого века,
более известных как Трагедия на озере Сен-Жан,
что в очередной раз пробудил во мне
желание окунуться в историю региона, который
стал мне так дорог.
В знак моего уважения и искреннего расположения.

Моему сыну Яну,
которого я, со всей любовью,
сколько ее есть в моем материнском сердце,
благодарю за неизменную поддержку и ценные советы.
Ты — волшебник образов, и я так тобой горжусь!

К читателям

Дорогие читатели, вы прекрасно меня знаете! Ну разве могла я оставить на полдороге к счастью свою красавицу Жасент? Став медсестрой в своей родной деревне Сен-Прим, старшая из дочерей семейства Клутье, на долю которого выпало столько тяжких испытаний весной 1928 года (во время наводнения, в результате которого пострадали окрестности озера Сен-Жан), только начинает открывать для себя радости семейной жизни с Пьером.

И, как вы помните, крошка Анатали после долгих мытарств наконец-то воссоединилась со своей семьей.

На своих хрупких плечах это дитя несет тяжкое бремя — мысли об Эмме, матери, которая родила ее и сразу же отдала в чужие руки, а впоследствии умерла насильственной смертью. Но кто отец девочки? На этот вопрос ее родственники до сих пор не знают ответа.

Разоблачение породит новые конфликты и огорчения... но на этом я умолкаю.

На страницах этой книги, как и в «Скандале у озера», я попыталась описать трагическую судьбу скромной семьи, живущей в прекрасном краю с холодными зимами, куда я неизменно возвращаюсь почти каждый год — благодаря своим книгам, а также вашей поддержке и одобрению.

Что ж, история продолжается, и мне очень хотелось сделать сюжет еще более захватывающим, более трогательным, чтобы он вам уж точно не наскучил.

Еще раз обращаю ваше внимание на то, что любое сходство с людьми, которые когда-либо жили или живут и поныне, случайно, за исключением, разумеется, тех случаев, когда он или она согласились быть упомянутыми на страницах моего произведения.

Обнимаю и желаю вам приятного чтения!

Мари-Бернадетт Дюпюи

Глава 1

Сквозь метель

*Сен-Прим, деревня на берегу озера
Сен-Жан, пятница, 4 января 1929 года*

А тропе бушевал ледяной ветер. Его порывы с пугающей силой вздымали свежавывающий снег, который, зависая в воздухе, принимал странные, эфемерные очертания, наводившие на мысль о порожденных зимой фантастических существах, — чтобы тут же рассыпаться по капризу неистовствующей выюги.

— Торьё!¹ Надо же было разыграться такой метели! — вскричал Жозюэ Одноглазый. — Вы уж меня, дамочка, простите!

Жасент с трудом различала звук его хриплого голоса; слов было не разобрать. Закутавшись в толстое шерстяное одеяло, она сидела в санях этого колоритного мужчины и думала только о том, как уберечься от холода. «У меня не было выбора!» — твердила она про себя.

Лицо молодая медсестра закрыла шарфом до самых глаз, а шапочку надвинула на брови. Сейчас эти бирюзовые глаза с ужасом смотрели на белую пустыню, которая, казалось, вот-вот поглотит путников. Как бы молодая женщина себя ни уговаривала, ей казалось, что завывает и ворчит не метель, а стая вышедших на охоту волков.

«Да когда же мы наконец приедем?» Этот вопрос не давал Жасент покоя. Собаки тянули упряжку вот уже два часа, но развить полную скорость им мешали выпавший накануне

¹ Популярное ругательство в квебекском французском. (Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.)

обильный снег и сильный ветер. Жасент Дебьен, в девичестве Клутье, родилась и выросла в этих краях, а потому знала, сколько опасностей угрожает им с Одноглазым.

Была середина зимы, и дни стали немного длиннее, но все же до наступления ночи оставалось совсем мало времени. Неожиданно разозлившись, миловидная «медсестричка», как прозвали ее жители Сен-Прима, встала на колени и повернулась, чтобы ухватиться за спинку саней. Оказавшись лицом к лицу с человеком, втянувшим ее в эту пренеприятнейшую историю, Жасент, собравшись с силами, крикнула:

— Вы мне солгали! Я никак не успею вернуться домой до наступления ночи!

Он с трудом расслышал ее слова и пожал плечами. Молодая женщина всмотрелась в выразительное лицо этого загадочного человека. Жозюэ лукаво прищурил единственный глаз. Его седая борода покрылась инеем, как и мех на капюшоне. Мужчина не удостоил молодую медсестру ответом, лишь насмешливо улыбнулся, приоткрыв несколько уцелевших зубов, желтых от табака. И повелительно взмахнул левой рукой, приказывая ей сесть на место.

С трудом сдерживая слезы, Жасент вынуждена была подчиниться. Спасаясь от обморожения, она с головой нырнула под одеяло и, совладав со страхом, стала шевелить пальцами на руках и ногах. От холода не спасали даже кожаные рукавицы с шерстяной подкладкой и пара крепких сапожек, подбитых овчиной.

«Только без паники! Я должна сохранять спокойствие и довериться Господу, — мысленно уговаривала себя Жасент. — Жозюэ Одноглазый — человек сильный и отважный. Благодаря ему я смогла привезти Анатали домой к Рождеству. Кто-то из его друзей поранился, так что у меня не было выхода. Я исполняю свой долг медсестры, вот только... Я не думала, что здесь, в Сен-Приме, у меня будет столько забот».

Молодая женщина проглотила слезы, и на губах у нее появилась ироническая усмешка. Насколько проще было работать в больнице, в окружении знающих докторов, когда на помощь

тебе всегда готовы прийти усердные монахини и коллеги-медсестры! После обучения в Монреале и годичной практики в больнице Отель-Дьё-Сен-Мишель в Робервале она и представить себе не могла, что ради визита к больному, не способному передвигаться самостоятельно, ей придется преодолевать большие расстояния по заснеженным полям и лесам.

«Мэр уверяет, что со дня на день должен приехать новый доктор, который сменит наконец престарелого мсье Фортена. Но его, увы, всё нет и нет!» — думала женщина.

Чтобы хоть немного успокоиться, Жасент стала перебирать в памяти наиболее приятные моменты своей повседневной жизни. В сентябре прошлого года она вышла замуж за Пьера Дебьена, свою первую любовь, и была с ним очень счастлива. Они оба ценили простые радости жизни, такие как ужин под убаюкивающее ворчание чугунной печки и привычные домашние хлопоты, без которых не обходится ни одна семья; зато, управившись, так приятно, обнимаясь и сгорая от нетерпения, подняться в спальню, чтобы насладиться друг другом на льняных простынях, под подаренными Сидони стегаными одеялами...

— Анафема! — закричал Одноглазый таким раскатистым голосом, что его пассажирка вздрогнула. — Вот она, эта чертова зверюга! Мадам, подайте мне мое ружье, быстрее!

В этот момент вожак упряжки отпрыгнул в сторону и сани сильно занесло.

— Дайте же ружье! Да поосторожнее, оно заряжено!

Молодая женщина выбралась из-под одеял. Поглядывая по сторонам, она вынула из брезентового чехла оружие и протянула его Жозюэ, не отрывая при этом взгляда от тощего волка, бегущего неровными скачками рядом с упряжкой в шесть собак. Все вокруг казалось пугающе нереальным: висела густая снежная пелена, временами нарушаемая порывами норд-оста.

— Что происходит? — крикнула Жасент.

— Этот волк — бешеный! — прицеливаясь, рявкнул в ответ Одноглазый.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, и всё тут! Торьё, а ведь мы почти на месте! Пригнитесь пониже, я буду стрелять!

Мрачно громыхнул выстрел. Замерев от ужаса, Жасент не сводила глаз со стремительно мчащегося дикого зверя. Осознав, что Одноглазый промахнулся, она перекрестилась.

«Боже милосердный! Только не бешенство, только не этот ужас!»¹ Страшная болезнь унесла немало жизней охотников и трапперов². Чтобы заразиться, достаточно было одного укуса. Бешенство поражало енотов, лис и волков, а те передавали инфекцию другой лесной дичи и домашнему скоту.

Одноглазый пальнул еще дважды. Треск выстрелов заглушили лай и рычание собак; напуганные близостью хищника, они понеслись еще быстрее. Вскоре упряжка резко свернула к темной постройке, окруженной молодыми елочками. Жасент пронзительно взвизгнула, когда сани задели сугроб и перевернулись набок. Удержаться не удалось, и ее с силой отбросило назад. Оглушенная ударом, женщина, раскинув руки, осталась лежать на промерзшей земле. Но, даже находясь в полуобморочном состоянии, она сумела различить характерный запах костра, в холодном воздухе казавшийся особенно отчетливым. «Бог мой, наверное, сюда-то мы и ехали! Скоро я буду в тепле и безопасности!»

Надежда оказаться под кровом, рядом с пылающим очагом, навела Жасент на мысль о Пьере. Лежа с закрытыми глазами, женщина представила, как муж склоняется над ней и на его красивых губах появляется ласковая улыбка. В следующее мгновение ее встряхнула чья-то сильная рука — резко, без намека на супружескую нежность.

— Медсестра Дебьен! Вас не оглушило? Еще одно несчастье на мою голову!

Жалуясь на судьбу, Жозюэ Одноглазый бросил ружье на землю и принялся поднимать молодую женщину, чья непо-

¹ Начиная с 1924 г. в Канаде от бешенства умерли 24 человека, 12 из них — в провинции Квебек. (Прим. авт.)

² Охотник на пушных зверей в Северной Америке. (Прим. ред.)

движность его встревожила. Жасент моментально пришла в себя. Горя гневом и возмущением, она оттолкнула траппера, поднялась на ноги и осмотрелась. Всё тот же холодный, тонущий в снежной дымке пейзаж окружал их со всех сторон, словно клетка.

— Вы застрелили больного волка? — грозно спросила она, глядя на охотника в упор.

— Ну да, застрелил, а вы что думали? Целиться я не научился. А вы, дамочка, меня напугали. Идемте, познакомлю вас с моим приятелем Фильбером. А потом вернусь и соберу нашу поклажу! — сказал мужчина, указывая на вещи, лежащие на снегу в нескольких шагах от них. — Еще надо запереть собак да осмотреть моего старичка Дана, жожака упряжки. Может, волк успел его цапнуть. Анафема!

— Перестаньте ругаться, мсье Жозюэ. И давайте поспешим! Я замерзла.

Мужчина горделиво выпятил грудь под толстой курткой из черной медвежьей кожи: приятно, когда такая красивая женщина называет тебя «мсье».

— Это поправимо, — отвечал он. — До сарайчика осталось не больше пятидесяти шагов. Да и ветер, кажется, утихает.

Жасент решила не спешить с упреками и жалобами, пока они с Одноглазым не войдут в обещанный сарай, на поверку оказавшийся нагромождением ржавых листов железа и досок, которые, судя по виду, не рассыпались только благодаря большому количеству дров, сложенных тут же в поленницу. Молодая женщина остановилась на пороге и вздохнула с облегчением — ни холод, ни ветер ее уже не достанут.

— Проходите, медсестра Дебьен! Там, в глубине, есть маленькая дверка. Нам не придется снова окунаться в метель, чтобы войти в дом к бедняге Фильберу! — сказал Одноглазый.

— Минутку, мсье! — воскликнула Жасент. — Мне нужно кое-что вам сказать, и, из уважения к моему будущему пациенту, я сделаю это здесь. Вы поступили дурно и всерьез меня

рассердили. Вы лгали, когда говорили о расстоянии между Сен-Примом и жилищем вашего друга. Вы пообещали, что я буду дома еще до наступления темноты. Господи, какая глупость с моей стороны — во все это поверить! Но я не могла пренебречь чувством долга и оставить без помощи раненого старика. А вы, вдобавок ко всему, заявили, что небо скоро прояснится и не будет ни метели, ни снегопада.

— Что ж, тут вы правы, я слегка приврал. Но кого еще я мог попросить о помощи? В наших краях докторов нет. А насчет погоды я ошибся, с кем не бывает...

Не удостоив старика взглядом, Жасент, не снимая варежки, тыльной стороной руки стала отряхивать снег со своей курточки.

— Торьё! Вы же сами решили стать медсестрой! А где ваш чемоданчик? Он наверняка остался лежать возле саней!

— Сами за ним и сходите! Только сперва объясните мне, как мсье Фильбер поранил ногу. Я хочу быть готова, хочу заранее знать, что у него за рана.

Одноглазый нервно потер подбородок, потом кашлянул, прочищая горло.

— Хм! Что тут объяснять? Укус — он и есть укус.

— Укус? Его укусила собака?

— Да нет же! Этот треклятый волк, что бродит тут со вчерашнего дня!

Дело было еще хуже, чем ей представлялось. Ошарашенная Жасент замерла на месте. Ей хотелось кричать на Одноглазого, наброситься на него с кулаками, однако она сдержалась.

— Но это же безумие! — вскричала медсестра чуть не плача. — Теперь-то я понимаю, откуда вы знали, что этот волк — бешеный! О чем вы только думали? Нужно было сразу привезти вашего друга в деревню, а оттуда отправить в Роберваль. Или хотя бы предупредить меня, ведь я не захватила ни вакцины, ни сыворотки, которые нужно дать больному. Боже милосердный! Вы хотя бы промыли рану водой с мылом или спиртом? Когда его укусил волк?

— Вчера... Я прижег рану раскаленным железом. Мой приятель так кричал, что было слышно, наверно, на Северном полюсе.

— Раскаленным железом?!

Молодая женщина дрожала от возмущения. Она уже размышляла о том, что будет делать для спасения несчастного Фильбера. Жозюэ Одноглазый с удрученным видом смотрел на нее и молчал. Жасент повернулась и, пройдя между рядами поленьев, открыла узкую дверь, которая вела в хижину. Там ее ожидало печальное зрелище.

***В доме Альберты и Шамплена Клутье,
в деревне Сен-Прим, в то же самое время***

Альберта сидела у кухонной плиты, держа на коленях маленькую внучку. Нежно прижимаясь к ней всем телом, девочка молчала.

— Нам так хорошо и спокойно, моя красавица, — прошептала женщина. — На улице ветер и снегопад, а мы с тобой в тепле... Ты довольна?

Вместо ответа малышка кивнула и радостно улыбнулась. Анатали молча наслаждалась моментом. Ее блестящие каштановые волосы, заплетенные в затейливые косички и украшенные розовыми лентами, обрамляли изящное округлое личико с коротким носом, высоким лбом и заостренным подбородком, который украшала симпатичная ямочка. Каждый раз, когда Альберта видела эту ямочку, она вспоминала Эмму — свою младшую дочь, умершую семь месяцев назад от руки любовника, доктора из местечка Сен-Жером¹, который, оказавшись в тюрьме, покончил с собой. Семья Клутье понемногу оправлялась после этой ужасной трагедии, разыгравшейся во время невиданного разлива озера Сен-Жан, принесшего немало бед целому региону.

¹ Сейчас это город Метабетшун-Лак-а-ла-Круа (*Прим. авт.*).

— Что-то в последнее время тебя совсем не слышно, моя хорошая, — заметила Альберта. — А ведь на Рождество ты чирикала, как воробушек! Да и после праздников тоже... Тебе уже рассказали, что твоя мама была очень говорлива? Эмма... Я называла ее «мой лучик», «мой цветочек». Скажи, тебе нравится жить вместе со мной, дедушкой Шампленом и тетей Сидони?

Анатали еле слышно пробормотала «да». Напрасно Альберта пыталась понять, почему поведение девочки так переменялось. «Это началось после Нового года. Постепенно она замкнулась в себе. Но в чем причина?»

Озабоченно хмурясь, женщина вспомнила веселое застолье, которое они устроили тогда здесь, в этом доме. В числе гостей были ее отец Фердинанд Лавиолетт, жених Сидони Журден Прово, Жасент с мужем и Матильда, женщина, с которой их семья была очень дружна. «Мы поздравили друг дружку и обменялись поцелуями — это традиция».

Приятное воспоминание, к тому же совсем свежее, заставило Альберту улыбнуться: ее супруг, Шамплен Клутье, воспользовался этим моментом, чтобы обнять и нежно расцеловать ее в обе щеки, чем позабавил молодежь и обескуражил пожилого Фердинанда.

— Надо же, какие нежности! — изумился тот. — Правду говорят люди: несчастье сближает...

Сказано это было жестко, с горечью. Разумеется, старик намекал на смерть Эммы. Сразу помрачневшая Сидони, с упреком посмотрев на деда, заявила:

— Но не всю же жизнь нам плакать!

Она тут же заговорила на более приятную тему — о своей свадьбе, назначенной на июнь.

Альберта отвлеклась от воспоминаний и посмотрела на внучку.

— Анатали, скажи, когда мы праздновали Новый год, тебя что-то напугало? — спросила она ласково. — Или тебе больше хотелось бы жить на улице Лаберж, с тетей Жасент? Но

это невозможно: собака все время гонялась бы за твоим котиком Мими. А здесь, на ферме, ему хорошо!

Девочка, которой в марте исполнилось четыре года, подняла личико, чтобы посмотреть на белого кота, свернувшегося клубком в соседнем кресле. Это было любимое место Шамплена, хозяина дома, и в его отсутствие кот с удовольствием устраивался на мягком сиденье.

— Плохой Томми! — прошептала она.

У Альберты кольнуло сердце. Привезя девочку в Сен-Прим, Жасент на неделю, до конца декабря, оставила ее у себя. Потом малышке пришлось перебраться к дедушке с бабушкой.

— Не бойся, моя крошка! Скажи, ты хочешь жить в деревне, с дядей Пьером и тетей Жасент?

К ее огромному удивлению, Анатали закрыла смуглое личико руками и заплакала.

— Томми съел платье у куклы! — пожаловалась она. — Я хочу играть свою куклу, а ее нет! Она осталась там, у дяди Пьера.

— Тише, моя хорошая, не стоит из-за этого плакать! Тетя Сидони пообещала сшить твоей кукле новое платье, просто у нее пока не было на это времени. Поверь мне, как только тетя выберет ткань и сядет за швейную машинку, платье будет готово за минуту. А Жасент просто забыла отдать тебе куклу, когда я тебя забирала. К ней пришел пациент, и она об этом не подумала. Слушай хорошенько: завтра утром мы с тобой вдвоем пойдем на улицу Лаберж. Даже если начнется снегопад, нас это не остановит. Подними-ка мордашку, и я вытру твои горькие слезы! Не стоит плакать из-за такой безделицы.

— А тот дяденька сказал, что я плохо разговариваю...

Альберта постаралась не улыбнуться. Это замечание, лишнее обидного подтекста, принадлежало Журдену. Заместитель шерифа в Робервале, ее будущий зять, на новогоднем празднике сказал, и довольно громко, что их маленькая внучка говорит много, но очень плохо, имея в виду обилие просторечных выражений, которые та переняла в семье

мельника, где воспитывалась с рождения. Маленькая Ана-тали истолковала его слова по-своему.

— Господи Иисусе! Ну и пускай себе говорит. А я вот люблю слушать, как ты щебечешь, словно воробышек, — сказала Альберта.

В это мгновение дитя шевельнулось у нее в чреве — резкий толчок, который заставил женщину умолкнуть. Она инстинктивно прижала руку к животу.

«Благословенный плод нашего примирения!» — подумала Альберта. Для нее это было большой радостью — в сорок три года носить под сердцем новую жизнь.

На улице, стоя у окна со слегка запотевшими стеклами, мужчина лет пятидесяти любовался мирной картиной, которую являли собой его жена и внучка. У него были карие глаза, седые кустистые брови и такая же седая густая борода. Под шапкой с опущенными наушниками и козырьком его широкое мужественное лицо, обычно такое надменное, приобрело умиленное выражение. Шамплен Клутье смотрел на нежный профиль Альберты, и его сердце замирало от любви.

Он души не чаял в этой милостивой женщине — темноволосой, миниатюрной, с тонкими чертами лица и светлыми сияющими глазами. Он обожал ее. И эта страсть, которая не угасла и за двадцать с лишним лет, когда-то толкнула его на ужасную крайность. Однажды вечером, после танцев, Шамплен взял девушку силой, прекрасно зная, что потом она вынуждена будет выйти за него замуж. И все-таки она его простила — после долгих лет презрения и вынужденной покорности.

«Моя красавица с внученькой — какие они милые!» — думал Шамплен, входя в дом.

— А кто это пришел? — послышался напевный голос Альберты, узнавшей тяжелые шаги супруга. — Дедушка Шамплен!

В прихожей фермер снял припорошенную снегом куртку и снегоступы.

— Как у вас сегодня вкусно пахнет! — сказал он громко. — А я с подарком! Принес нашей девочке анисового мармелада!

В хижине Фильбера в тот же день, в тот же час

Жасент склонилась над мужчиной по имени Фильбер, чья кожа медного оттенка наводила на мысль об индейских корнях. Он лежал на узкой раскладной кровати возле обложенного камнем очага, в котором горели три полена. Обстановка в хижине была убогая, здесь давно не убрали. Зверинные шкуры были развешены для просушки вдоль внутренней стены, наспех сложенной из круглых поленьев и больших неотесанных досок.

— Мсье, вам плохо? Вы меня слышите? — спросила Жасент.

Стоящее у ее ног металлическое ведро, которое больной использовал вместо туалета, источало жуткий смрад — опорожнить его было некому. Фильбер лежал с закрытыми глазами, дрожа от холода. Его лицо исказила гримаса боли. Простыней на кровати не было: он лежал между одеял.

— Мсье, мне нужно осмотреть вашу рану на ноге, — не сдавалась молодая женщина. — Меня привез ваш друг Жозюэ, я — медсестра.

Больной захрипел так, словно вот-вот задохнется, но при этом не шевельнулся и не разомкнул век. Снедаемая тревогой, Жасент отметила про себя, что на улице собаки Одноглазого устроили шумную возню. «Ему не следовало их распрягать, — подумала она. — Этому несчастному нужна антирабическая сыворотка, и как можно скорее! Мы срочно должны доставить его в Сен-Прим, а оттуда перевезти в Робервальскую больницу».

Была во всем этом одна странность: больной находился в полубессознательном состоянии и не мог встать с постели. Если взбесившийся волк укусил Фильбера за щиколотку, но рану сразу же прижгли, у них есть еще несколько спасительных часов, прежде чем опасная инфекция начнет распространяться по всему телу.

— Ну как он? — послышался за спиной Жасент низкий мужской голос.

Одноглазый вошел в хижину и поставил на шаткий стол чемоданчик медсестры.

— Ваш друг не отвечает и за все это время ни разу не пошевелился, — озабоченным тоном ответила женщина. — Это странно! Раз его укусили вчера, он должен быть еще на ногах и чувствовать себя не хуже, чем мы с вами. Очень надеюсь, что у собак хватит сил на обратную дорогу и мы сможем выехать немедленно.

— Торьё! Вы что, смерти его хотите? В такой холод катать больного Фильбера по лесу! Он, дурень, вообще не хотел, чтобы я вас сюда привозил. Жаль, я его не послушался... А что он молчит и не шевелится — думаю, это потому, что вы женщина.

— Это глупо с его стороны, — вздохнула Жасент.

Однако такое поведение раненого было ей понятно: слишком долго этот траппер прожил один, вдали от людских поселений, где к нему могли бы отнестись по-доброму; наверняка он заядлый холостяк и отвык от общения с себе подобными, как и от женского общества.

— Мсье Фильбер, вы не первый мой пациент! — воскликнула Жасент. — Если вы в сознании и не ощущаете нестерпимой боли, пожалуйста, ответьте мне и перестаньте притворяться умирающим! Мне это мешает, я не могу выполнить свою работу.

Она замолчала и лукаво улыбнулась Одноглазому. Тот сначала опешил, но потом понял ее маневр и подмигнул в ответ.

— Молодая, а соображает! Моего старого друга Фильбера надо разжалобить — иначе его не возьмешь. Ну-ка, открой глаза! Ты не пожалеешь, медсестра Дебьен — красавица.

Жасент терпеливо ждала. Она успела снять верхнюю одежду и шапку, и ее длинные, каштановые с золотистым отливом волосы свободно рассыпались по плечам. Зеленый шерстяной пуловер облегал высокую грудь, а черная юбка из джерси подчеркивала бедра. Прекрасна была не только ее пропорциональная фигура с округлыми формами, но и лицо, выражение которого свидетельствовало о ее решительном характере.

— Что ж, хотите вы этого или нет, я приступаю к осмотру, — заявила медсестра. — Только, осторожности ради, надену каучуковые перчатки. Если вы заразились бешенством, мне лучше поостеречься.

— Это я понимаю, — кивнул Одноглазый. — А труп того волка надо сжечь. Мадам медсестра, я правильно говорю?

— Думаю, это необходимая мера, — согласилась Жасент.

Прежде чем натянуть перчатки, она тронула морщинистый лоб своего пациента. Кожа у него была сухая и теплая — значит, жара нет. Это простое прикосновение чудесным образом привело больного в чувство.

— Я не могу вам заплатить! — сердито воскликнул он, широко открывая раскосые глаза, взгляд которых был очень угрюмым. — Убирайтесь! Если мне суждено сдохнуть от волчьего укуса, я сдохну тут, в одиночестве. А тебя, Жозюэ, я предупреждал: не надо никакой медсестры! Господь свидетель, я это заслужил — то, что со мной случилось. Сколько себя помню, я убивал волков, потому что за это полагалась награда, и другое зверье — чтобы продать шкурки. Сдохну — и ладно, это я вам говорю!

С гневным восклицанием старик сел на постели и окинул Жасент недоверчивым взглядом.

— Мсье, если у вас нет денег, вам не придется мне платить. Я медсестра, и мой долг — спасти вам жизнь. Я как-нибудь проживу без пары долларов, которые могла бы с вас получить. Как только проявятся симптомы бешенства, лечить вас будет поздно. Но если завтра вам вколют сыворотку, фатальных последствий не будет.

— Я ничего не понимаю в вашей тарабарщине, — проворчал Фильбер. — Одноглазый плеснул на рану виски, прижег ее — я чуть не околочулся от боли. Так что мне ничего не грозит.

Произнеся это, он скрестил руки на груди и гневно поджал губы. Жасент, растерявшись, вспоминала, чему ее учили в медицинской школе. «Рана находится далеко от головного мозга, это уже хорошо. Может статься, что заразной слюны в нее попало мало и инфекция распространяется не так быстро,

как могла бы, — думала Жасент. — Но сыворотку ему нужно уколоть обязательно».

Пока она размышляла, Одноглазый подбросил в очаг дров, поворошил раскаленные угли и повесил над ними на треноге помятый чайник с водой.

— Сделаю вам хорошего горячего чаю, — буркнул он, поглядывая на молодую женщину, у которой был озадаченный вид. — И плесну туда спиртного, это вас взбодрит. Слышите, какой на улице ветер? Лучше уж переночевать здесь.

Жасент почувствовала себя так, словно попала в ловушку.

— Нет, об этом и речи быть не может, — сухо возразила она. — Мой муж будет волноваться, и, кроме того, нужно сделать все, чтобы остановить заражение. Отвезите нас в Сен-Прим, вашего друга и меня, а там я найду способ завтра добраться до больницы — на санях, если потребуется. Кстати, мсье Жозюэ, вы и сами могли бы это сделать. Глупо было привозить меня сюда. Лучше было бы сразу доставить больного в Сен-Прим, откуда этим вечером идет поезд в Роберваль.

Одноглазый с выражением полнейшего бессилия воздел руки к небу, а потом, поморщившись, ткнул пальцем в сторону Фильбера:

— Этот дурень никуда не хотел ехать! Что же мне, надо было оглушить его и связать? Фильбер — парень крепкий, сами видите.

Жасент, которой все это надоело, наконец приподняла одеяло. Дипломированная медсестра была потрясена, увидев жалкую серую повязку, всю в странных отметинах, в самом центре которой виднелось пятно с четкими краями, отвратительного пурпурно-желтого оттенка.

«Рана сочится... Раскаленное железо обожгло мягкие ткани. Не обработанная специальным бальзамом, она осталась открытой и, должно быть, ужасно болит», — подумала женщина.

Раненый не сводил с нее недоброго взгляда. Жасент посмотрела на него в ответ, про себя снова посетовав на то, с каким упрямством некоторые отрицают достижения медицины и боятся попасть в больницу.

— Мсье Жозюэ, мне понадобится горячая вода. Я обмою пациенту рану, а потом наложу на нее свежую повязку.

Фильбер испустил отчаянный вопль.

— Нет! Не прикасайтесь ко мне! Не надо меня лечить, лучше уж поедем. Я согласен, чтобы меня увезли отсюда, но только к моей сестре, никуда больше. Ты меня слышал, Жозюэ? Собирайся!

— Никуда вы не поедете, пока я не сменю тряпку, которой перевязана ваша рана, — сурово отрезала Жасент. — Отвезти вас к сестре? Но где она живет? Наверняка в самой чаще леса?

— Она живет в вашем треклятом поселке, в Сен-Приме, — надменным тоном отозвался Фильбер. — Ее зовут Матильда... Я хочу, чтобы меня отвезли к Матильде, только к ней.

В доме на улице Лаберж, в Сен-Приме, в тот же час

Сидони Клутье еще раз посмотрела на себя в зеркало, висящее над мойкой в кухне ее деда. Фердинанд Лавиолетт, молча наблюдавший за девушкой, дал волю своему дурному настроению:

— Мне это не по нраву, внучка. На кого ты теперь похожа? А ведь какие у тебя были чудесные волосы...

— Дедушка, такая теперь мода! Половина женщин в стране носят такие же стрижки. Иначе как бы я смогла носить шляпку-клош? И вообще, я считаю, что мне очень идет. Я спросила у Журдена, что он думает по этому поводу — позавчера, когда звонила ему с почты, и он со мной согласился.

— Твой жених готов по струнке ходить, лишь бы ты была довольна! Он тебе перечить не станет, — проворчал старик. — В мое время женщины носили длинные волосы — заплетали их в косы или укладывали в шиньон.

Упреки деда не произвели на Сидони ни малейшего впечатления. Ей новая стрижка очень нравилась. Темно-каштановые кудри обрамляли лицо с изысканно-тонкими чертами, прямым носиком и большими зелеными глазами. У Сидони был высокий лоб, брови взлет и темно-розовые губы в форме сердечка.

— В Робервале у меня могут появиться новые клиентки, бабушка, и, глядя на меня, они не должны подумать, что я отстала от моды. Кто тогда поверит в мои таланты?

Девушка повернулась на каблуках, с сожалением отрывая взгляд от зеркала. На ней было прямое платье из серой шерсти, украшенное ниточкой бус из искусственного жемчуга, и белый жилет. Тонкие щиколотки были обтянуты белыми чулками. Этот наряд казался старому Фердинанду столь же фривольным, как и ее стрижка.

— Ты уже не носишь траура, — буркнул он. — Это неправильно. Прошло всего семь месяцев, как умерла наша Эмма...

— Я ношу полутраур. И вообще, в черном я или белом, это ничего не меняет. Я очень тоскую по младшей сестре, — вздохнула Сидони, приподнимая крышку кастрюли. — Суп теплый! Я налью тебе тарелку и пойду домой, на ферму.

Как и полагается практичной девушке, Сидони не собиралась отправляться в путь по заснеженной дороге в одежде горожанки. Она вернулась из Роберваля вскоре после полудня и около двух часов провела здесь, на улице Лаберж, помогая старику по хозяйству. Увлечение модой и пристрастие к изысканным нарядам не мешали Сидони заботливо ухаживать за человеком, которого она ласково называла бабушкой. По ее убеждению, Фердинанд Лавиолетт, семидесятилетний безутешный вдовец, был уже не в состоянии сам убирать в доме. И к тому же плохо питался.

— Раз уж ты еще не ушла, поедим вместе, — смягчившись, предложил старик.

— Не откажусь, я проголодалась, несмотря на то что мастерица по стрижкам угощала меня чаем и тортом. Видел бы ты ее парикмахерскую! Там все такое шикарное!.. Для моего деда-ворчуна у меня есть еще одна новость. Я оставила ее напоследок. Весной мастерица выставит мои шляпки у себя в витрине!

Пройдя курс в школе домоводства, в Робервале, Сидони сперва предложила свои услуги соседкам и другим житель-

ницам Сен-Прима. А совсем недавно, благодаря жениху, офицеру полиции, проживавшему в Сент-Эдвидже, круг ее клиенток расширился. У Сидони была голубая мечта — открыть собственный магазин готового дамского платья.

Она как раз собиралась разливать суп по тарелкам, когда в дверь постучали. Громкому «тук-тук» вторил радостный лай.

— Это наверняка Жасент со своим верным Томми! — тут же решила девушка.

— Стала бы твоя сестра стучать в дверь, которая всегда открыта! — возразил Фердинанд. — Готов поспорить, это ее муж. Наверное, его что-то беспокоит.

Сидони выбежала в коридор, по пути крикнув гостю, чтобы он входил. Это действительно оказался ее зять Пьер. За ним по пятам бежал молодой пес черно-белого окраса, припорошенный снегом, как и хозяин.

— Пьер, добрый вечер! Что ты хотел?

— Найти свою жену, Сидо! — ответил Пьер Дебьен с особой улыбкой, придававшей ему неизъяснимое очарование.

Выражение его голубых глаз неизменно оставалось мечтательным, почти меланхоличным. И тем не менее он часто бывал весел и охотно подшучивал над окружающими — особенно с тех пор, как они с Жасент поженились.

— Жасент до сих пор не вернулась? Дедушка говорит, этот странный тип, Одноглазый, заехал за ней около половины второго, незадолго до моего прихода.

— Знаю, она оставила на столе записку. Но ведь уже стемнело! Я подумал, что моя жена могла зайти сюда, чтобы перекинуться парой слов с Фердинандом...

В прихожую вышел хозяин дома.

— Пьер, здравствуй! Часто тебе приходится дожидаться, когда жена вернется домой... Мой бедный мальчик, мне и самому профессия внуки не очень нравится. Да и Одноглазый в наших краях пользуется дурной славой. Странный он человек... Подъехал прямиком к вашему дому — сани старые, чиненые, собаки сплошь полукровки...

— Не стоит судить по внешнему виду, мсье Фердинанд. Жозюэ очень помог нам, доставив в Сент-Жан-д'Арк, и мы смогли привезти малышку Анатали домой к Рождеству. Может, он и странный, однако ничего не боится. И, честно говоря, мне даже спокойнее знать, что Жасент с ним. Но, кажется, я вас побеспокоил...

— Ну что ты! Проходи и поешь супу, — приветливо пригласила его Сидони. — Наверняка у вас ничего не приготовлено на ужин. А если подъедет упряжка, ты сразу же это услышишь. Да и Томми залает. Ты заметил, Пьер, что ваш пес бросается на все, что шевелится, но только когда находится в доме?

— Это правда! Повстречай он других собак — куда бы вся храбрость подевалась! — подхватил Фердинанд. — Вы как хотите, а я возвращаюсь за стол. Сидони права, мой мальчик: тарелка горохового супа пойдет тебе на пользу.

Возможность побыть еще немного со стариком и свояченицей обрадовала Пьера. Собственный дом показался ему слишком темным и пустым, ведь в этот час Жасент обычно встречала его, ласковая, улыбчивая, и все вокруг нее дышало светом и теплом. Пьер торопливо сбросил куртку, снял сапоги и шапку.

— Погода сегодня не самая лучшая, — сказал он, входя в кухню. — Здесь, в Сен-Приме, не очень ветрено, но в нескольких милях от поселка ветер наверняка набирает силу. И снегопад не прекращается...

В эти слова, произнесенные негромким голосом, он вложил беспокойство, которое испытывал из-за отсутствия своей красавицы-супруги. Сидони посмотрела на зятя с сочувствием. Она по-прежнему была равнодушна к обаянию друга детства, чье правильное лицо в ореоле темно-каштановых кудрей с годами стало более мужественным. Вдруг Пьер поднял глаза и с нескрываемым удивлением уставился на нее.

— Сидо, я сразу не заметил... В прихожей у вас темно... Твои волосы! Ты подстриглась.

— А я все жду, когда же ты начнешь возмущаться! Моя сестрица бережет свои косы, ради того чтобы тебе нравиться, — иронично отозвалась девушка. — Признай, что с такой прической я выгляжу более современно!

— Ты такая же красивая, как и раньше, но сама на себя не похожа, — сказал Пьер.

— Испортить такие волосы! — снова завел свою песню Фердинанд. — В грустные времена мы живем... Сначала построили плотины на двух водоотводных каналах, Гранд-Дешарж и Птит-Дешарж, и всюду провели электричество, а теперь женщины хотят работать и укорачивают себе юбки и волосы! Если бы моя дорогая Олимпия увидела тебя такой, внучка, как бы она плакала!

— Давайте сменим тему, а то у меня настроение портится. Пьер, я могла бы отнести на ферму куклу Анатали. Малышка просит об этом со вчерашнего вечера. А еще мне нужно сшить для куклы новое платье — из-за Томми, который грызет все подряд!

Щенку было всего шесть месяцев. Шамплен Клутье подарил его Жасент в день их с Пьером свадьбы. Песик был средних размеров и, похоже, вряд ли вырастет еще.

— А скажи-ка, Сидо, — слегка насмешливым тоном произнес ее зять, — ты стриглась у парикмахера в Робервале или же у местного брадобрея?

— В Робервале, разумеется!

— И как же ты вернулась в Сен-Прим в такой одежде и обуви?

— Она позволила себе немного шикануть — в Роберваль и обратно ездила на такси с опутанными цепью шинами! — едким тоном сообщил Фердинанд. — Хотя дорогу к этому времени уже расчистили. Что ж, желающие потратят свои гроши на глупости всегда найдутся!

Настроение у Сидони было хорошее, поэтому она не обиделась на деда. Они с Пьером доели суп, она убрала посуду и поставила на стол перед Фердинандом нарезанный хлеб, сыр и чайник с заваркой.

— Пойду переоденусь, раз на улице метель, — улыбнулась девушка и убежала в гостиную.

— Ваша внучка счастлива, — заметил Пьер, вставая и пожимая старику руку. — Журден Прово будет ей отличным мужем, я в этом не сомневаюсь.

— Может, меня в день их свадьбы уже и на свете-то не будет... Только подумать — наша Эмма на кладбище, а ведь, когда ее убили, ей было всего девятнадцать! Каждый раз, глядя на ее фотографию, я молю Господа забрать меня во сне, чтобы мы с Олимпией и Эммой снова были вместе!

Пьер смущенно кивнул. Несмотря на общение с соседями, семейной парой французов, поселившихся на улице Лаберж, и страстное увлечение кроссвордами, Фердинанд Лавиолетт медленно угасал в трауре и одиночестве.

— А тут еще дочка в марте собирается рожать, — мрачно продолжал старик. — Когда Эмма появилась на свет, моя Альберта очень мучилась. А ведь тогда она была намного моложе! Что, если и она нас покинет?

В кухню вернулась Сидони. Элегантный туалет сменили брюки из джерси, отделанные мехом ботиночки и анорак из ткани под названием миткаль, на меховой подкладке.

— Дедушка, ты все видишь в черном цвете. Так нельзя! При первой же возможности я приведу к тебе Анатали, вот уж кто сумеет тебя развеселить. И вообще, зимой тебе следовало бы перебраться на ферму. Мама предлагала тебе это...

— Нет уж, спасибо. Я не хочу видеться с зятем чаще, чем это необходимо, — отрезал старик. — Всего хорошего, Сидони! Всего хорошего, Пьер! Надеюсь, с Жасент ничего дурного не случится.

Покинув скромное жилище старика, молодые люди вздохнули с облегчением. Порывистый ветер вздымал охапки снега, закручивая их в белые вихри. Муниципальные фонари тонули в мириадах танцующих бешеную сарабанду снежинок, подсвечивая их бледно-золотистым светом.

— Милосердный Иисусе, как мне жаль деда! — прошептала Сидони. — Я стараюсь почаще бывать у него, но это

ничего не меняет. Жасент полагает, что у него начинается старческое слабоумие.

— Да, она и мне об этом говорила. Он все время в унынии, быстро утомляется... Но не будем больше об этом. Я должен отдать тебе куклу Анатали. Идем, подождешь меня на крыльце. Хотя бы от снега спрячешься!

— Хорошо!

Едва Пьер, держа на руках щенка, скрылся в доме, как перед Сидони возник мужской силуэт. Незнакомец явно повернул с соседней улицы.

«Кто это? — спросила себя девушка. — Лорик?»

Несколько секунд она была уверена, что это действительно ее брат-близнец, уехавший из дома прошлым летом. Он писал ей не реже раза в месяц с острова Ванкувер, где нашел себе подходящую работу. Разрываясь между сумасшедшей радостью и живейшей тревогой, сердце Сидони часто-часто забилось в груди — причиной спешного отъезда Лорика было запретное чувство, которое он к ней испытывал.

— Мадемуазель, не могли бы вы мне кое-что объяснить? — обратился к ней мужчина.

Это был не Лорик Клутье. Сидони отважилась подойти к незнакомцу.

— Я ищу частный кабинет медсестры. Мне сказали, что ее зовут Жасент Дебьен.

— Вы обратились по адресу, мсье, Жасент — моя сестра. Но сейчас ее нет дома, она уехала по срочному делу.

Они стояли друг напротив друга. Незнакомец был сантиметров на тридцать выше Сидони и одет в дорогое пальто и фетровую шляпу.

— Меня зовут Александр Сент-Арно! — представился он. — Я буду практиковать вместо доктора Фортена. Сегодня, с четырех пополудни, я приступил к своим обязанностям, но пациентов не было, что неудивительно — люди наверняка не знают о моем приезде. Поэтому я решил навестить местную медсестру. Адрес мне сообщил мэр, но в такую метель на улице и домов-то не видно!

Ему было от тридцати до сорока, и говорил он почти скороговоркой, глядя при этом Сидони в глаза. Даже в слабом свете муниципальных фонарей девушка отметила пронизательность этого взгляда, а также тот факт, что новый доктор — красивый мужчина и носит светлые усики.

— Это еще не метель, мсье, — сказала она. — Пару часов назад ветер был куда сильнее, я почувствовала это на себе.

Пьер вышел из дома и увидел их. Он спустился с крыльца; в руке у него была завернутая в платок игрушка.

— Вот кукла, Сидо! К нам посетитель? Мсье...

— Доктор Сент-Арно.

— Пьер Дебьен.

— А вы, конечно же, супруг медсестры Дебьен, — вежливо произнес новый доктор.

— Именно так. Моя жена скоро будет. По крайней мере, я на это надеюсь. Ее увезли к пациенту, и я не знаю, как далеко от поселка.

— Кажется, я приехал вовремя, — кивнул Александр Сент-Арно. — Я побеседовал с вашим мэром; он полагает, что иной раз услуг медсестры недостаточно, как бы добросовестно она ни исполняла свой долг.

— Жасент делает, что может, и отлично справляется со своими обязанностями! — поспешно возразила Сидони. — Ей приходится отправлять некоторых больных в Роберваль, потому что ни один врач, достойный этого звания, не соизволил сменить доктора Фортена, человека знающего. Но мне пора. До свиданья, Пьер!

Даже не взглянув на ошеломленного доктора, девушка сунула куклу под мышку и исчезла в вихре снежных хлопьев.

— Темпераментная девица, — пробормотал мсье Сент-Арно. — Это ваша свояченица, я не ошибаюсь? Какой же, интересно, характер у вашей супруги? Ее зовут Жасент, верно?

— Познакомившись с ней, вы сможете составить об этом собственное мнение, — отрезал Пьер, которого раздражала фамильярность этого человека. — И вообще, не очень прилично задавать такие вопросы.

С этими словами он повернулся, поднялся на крыльцо и хлопнул за собой дверь.

***В хижине Фильбера
в то же самое время***

Жасент не спускала с лица пациента пристального взгляда. Честно говоря, его поведение ее не удивляло — если он действительно брат Матильды, которая так мало рассказывает о себе и наотрез отказывается вспоминать свое прошлое, детство и юность. Это была загадочная особа, в свои шестьдесят семь лет еще довольно привлекательная — целительница, к чьим услугам прибегали многие. Кто-то превозносил ее до небес, кто-то недолюбливал. Матильда похвалялась, что в числе ее предков были индейцы гуруны и что она умеет предсказывать будущее — с помощью обычных гадальных карт и карт таро, которые помогали ей контактировать с существами из потустороннего мира.

«И все же странно, почему Матильда ни разу не упомянула о том, что у нее есть брат? — спросила себя молодая женщина. — Должно быть, они нечасто видятся. Впрочем, мне то откуда это знать? Матильда часто уезжает, никому не говоря куда!»

Сейчас у Жасент были другие заботы, поважнее. Она только что размотала повязку на щиколотке траппера и теперь смотрела на распухшую и гноящуюся рану — взглядом, каким обычно смотрят на личного врага.

— Господи! — воскликнула Жасент. — Мсье Жозюэ, вы просто дикарь! Достаточно было промыть рану водой с мылом и, повторюсь, сразу же отвезти вашего друга к доктору.

— Не надо к доктору, я хочу видеть свою сестру! — громыхнул Фильбер.

— Вашу сестру, мсье, я хорошо знаю; она со мной согласится. Мы с Матильдой очень хорошо ладим.

— Придумали бы басню получше! — сердито буркнул больной.

— Это святая правда. Но у меня нет времени рассказывать о том, как мы с ней стали приятельницами.

Правильная речь Жасент, ее хорошо поставленный голос, уверенный и одновременно ласковый, произвели на Фильбера благоприятное впечатление, хотел он того или нет. Молодая женщина, между тем, продолжала, указывая пальцем на Одноглазого:

— Сделайте одолжение, выйдите на улицу и посмотрите, можем ли мы ехать! Ветер, по-моему, стих. А если идет снег, значит, там не так уж холодно.

— Как прикажете, милая дама! — шутиливо отозвался старик. — Я всегда готов выполнить просьбу красивой женщины.

— Я буду очень признательна, если вы наконец это сделаете! — отвечала, поворачиваясь к нему, Жасент.

При этом движении ее распущенные, отливающие золотом волосы качнулись, а яркое пламя в очаге подсветило ее нежный профиль, выделив его на фоне темной комнаты. Фильбер почувствовал, как его сердце сжимается при виде такой красоты и женственности.

— Это безумство — отправляться в путь сегодня вечером, мадам, — тихо проговорил он. — Наши с Одноглазым холостяцкие прожженные шкуры недорого стоят, но я бы не хотел, чтобы с вами случилось что-то нехорошее.

Жасент промолчала, но ее тронуло, что старому трапперу безразлична ее судьба. Как можно деликатнее она стала обмывать обожженную кожу. От внимания Жасент не укрылось, что старик изъясняется лучше, чем Жозюэ, не вставляет к месту и не к месту бранные словечки. Должно быть, он получил неплохое образование. «Как и Матильда, — сказала себе молодая женщина. — Раньше я об этом никогда не задумывалась».

В памяти Жасент всплыли обстоятельства, которые привели ее к служанке священника. Вспоминать об этом было страшно и грустно.

«Мама и Сидони попросили Матильду обмыть тело Эммы перед похоронами — все в деревне прибегали в таких случа-

Літературно-художнє видання

ДЮПЮЇ Марі-Бернадетт

Чаклунська душа

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *В. О. Трубчанінов*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 05.10.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literatyna». Ум. друк. арк. 30,24. Наклад 6000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а

E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ДЮПЮИ Мари-Бернадетт
Колдовская душа
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 05.10.2018. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literatupa». Усл. печ. л. 30,24. Тираж 6000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Сен-Прим, 1929 рік. Ненадовго в родині Клутьє запанував мир. Жасент і П'єр поєднали свої серця клятвою вічної вірності. Тільки Сидоні і досі страждає від гріховного потягу до свого брата Лоріка. Та що, як Лорік зустрів нове кохання далеко від дому, на іншому кінці Канади?.. Сидоні намагається забути в обіймах нареченого Журдена, але близькість із ним неможлива. Таємниці минулого, таємниці сестри Емми і покійних батьків не дають спокою сестрам і їхньому братові. А ключі від усіх секретів зберігає у своїй чаклунській душі мудра знахарка Матильда...

Дююи М.-Б.

Д95 Колдовская душа : роман / Мари-Бернадетт Дююи ; пер. с фр. Н. Чистюхиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 480 с.

ISBN 978-617-12-4521-1

ISBN 978-2-89431-502-6 (фр.)

Сен-Прим, 1929 год. Ненадолго в семье Клутье воцарился мир. Жасент и Пьер соединили свои сердца клятвой вечной верности. Лишь Сидони все так же страдает от грешной страсти к своему брату Лорику. А что, если Лорик встретил новую любовь далеко от дома, на другом конце Канады?.. Сидони пытается забыть в объятиях жениха Журдена, но не может быть близка с ним. Тайны прошлого, тайны сестры Эммы и покойных родителей не дают покоя сестрам и их брату. А ключи от всех секретов хранит в своей колдовской душе мудрая знахарка Матильда...

УДК 821.133.1(71)

Когда-то Жасент Клутье была счастлива рядом с Пьером. Она нуждалась в нем, как в воздухе. Но со временем чувства ослабли, любовь стала безрадостной. И вот еще одно страшное событие настигло семью Клутье: их любимая, прекрасная Эмма свела счеты с жизнью. Жасент, старшая сестра Эммы, ищет настоящую причину гибели девушки. Вместе с близнецами Сидони и Лориком они раскрывают самые сокровенные секреты Эммы и понимают, что на самом деле ничего не знали о ней. Их милая и нежная сестра жила двойной жизнью... Какую скандальную тайну она скрывала от семьи? Тайну, которая стала причиной ее смерти...

Молодая баронесса Амелия — любимица императрицы Сиси. После смерти жениха Амелия отправляется во Францию, к чете маркизов де Латур, и по просьбе императрицы остается жить у них. Однажды девушка замечает, что Эдмон де Латур проявляет к ней интерес. Амелия боится признаться себе в том, что тоже испытывает чувства к маркизу, ее влечет к нему с невероятной силой. Девушке не догадывается, что он влюбился в нее много лет назад. Но ведь маркиз женат, а Амелия хранит тайну своего прошлого...

